

Правовая реальность России: философско-правовой анализ

Скоробогатов А.В.

доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Института экономики,
управления и права (г. Казань)
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Краснов А.В.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию юридического значения категории «правовая реальность» в развитии современной России. Доказывается, что правовая реальность России состоит из трех уровней: правотворчество, право-реализация, правовое поведение. Определяющим уровнем правовой реальности является правовое поведение, которое ориентировано на соблюдение неписанного права. На основе изучения правового опыта и правового идеала российских граждан в статье доказывается трансгрессивный характер правовой реальности.*

***Ключевые слова:** правовая реальность, бытие права, правовой феномен, правовое явление, постклассическая научная рациональность, правовое поведение, антрополого-правовое исследование, правовой опыт, правовой идеал, неписанное право.*

Важным назначением общей теории права является выявление и исследование фундаментальных юридических категорий и понятий, характеризующих сущность и содержание правового бытия общества¹. Одной из таких относительно недавно введенных в научный оборот категорий, пока еще недостаточно исследованных как в общей теории права, так и в философии права, является категория «правовая реальность».

Термин «правовая реальность» с середины XX века используется в работах зарубежных экзистенциально-феноменологически ориентированных философов права (Дж. Кон², А. Кауфман³, М. Сэлтер⁴, В. Хэмрик⁵, Э. Фехнер⁶, М. Мур⁷). Преимущественно данное понятие используется для обозначения реальности отдельных правовых яв-

лений⁸. Концептуального исследования данного понятия как категории предпринято не было.

На постсоветском пространстве данная проблема стала актуальной с середины 1990-х годов. Практически одновременно к ней обратились философы (В.А. Бачинин, Г.И. Иконникова, В.П. Ляшенко, С.И. Максимов, И.П. Малинова, С.Л. Слободнюк) и теоретики права (А.В. Поляков, И.Л. Честнов, Ю.С. Шемшученко). Применение термина «правовая реальность» преимущественно осуществляется в ключе интегративного правопонимания и призвано преодолеть односторонность позитивистских, социологических и естественно-правовых теорий путем создания целостной категории, которая бы собрала воедино и структурировала все множество правовых явлений.

Достаточно широкое и разнообразное изучение отдельных аспектов поставленной проблемы обусловило ее исследование посредством значительного арсенала методологического инструментария не только юридической науки, но других гуманитарных наук, разработанных в рамках постклассической рациональности. Это позволяет рассмотреть правовую реальность как одну из фундаментальных, философско-правовых категорий современных гуманитарных наук и проанализировать ее в институциональном, функциональном и субъект-объектном контекстах.

Среди множества философских и юридических дефиниций правовой реальности наиболее близким к содержанию этой категории и претендующим на отражение ее сущности можно счи-

¹ См.: Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. № 115. P. 1047–1116.

² См.: Cohn G. Existentialism and Legal Science. N.-Y.: Oceana publications inc., 1967.

³ См.: Kaufman A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations // Law, Interpretation and Reality. Dordrecht, 1990. P. 104–123; Он же. Ontologische Struktur des Rechts // Rechtsphilosophie im Wandel. Frankfurt am Maine: Stationeneines Weges, 1972. S. 104–134.

⁴ См.: Salter M. Towards a Phenomenology of Legal Thinking // Journal of the British Society for Phenomenology. 1992. Vol. 23. № 2. P. 167–182.

⁵ См.: Hamrick W.S. An Existential Phenomenology of Law: Maurice Merleau-Ponty. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.

⁶ См.: Gordon R.W. Unfreezing Legal Reality: Critical Approaches to Law // Florida State University Law Review. 1987. Vol. 15. № 2. P. 137–151.

⁷ См.: Moore M.S. Excerpts from Legal Reality // Associations. Journal for Legal and Social Theory. 2003. Vol. 7. № 1. P. 145–157.

⁸ См.: Gordon R.W. Unfreezing Legal Reality: Critical Approaches to Law // Florida State University Law Review. 1987. Vol. 15. № 2. P. 137–151.

тать определение, данное украинским философом права С.И. Максимовым: она рассматривается как многоуровневая система правовых феноменов, автономная метасоциальная реальность, смысловым выражением которой является взаимное должествование во взаимодействии субъектов⁹. Обратим внимание, что в рамках такой трактовки обращается внимание на взаимное должествование во взаимодействии субъектов, что сближает сущностное видение правовой реальности с коммуникативной концепцией права, получившей развитие изначально в западной науке¹⁰, но на данный момент разрабатываемая и в отечественной юриспруденции¹¹. Отметим, что, по нашему мнению, категория правовой реальности носит сложный, субъективно-объективный характер. Ни в одном сегменте правовой реальности — будь то право, правореализация или что-либо иное — нельзя обнаружить феномены, полностью не зависящие от воздействия субъективных факторов, а также интерпретации субъектов.

Сформированная в 1990-е гг. правовая реальность России во многом определяется конституционным правопониманием¹². В предшествующие периоды характер российской правовой реальности обеспечивался наличием официальной идеологии, которая соединяла в себе право в его нормативном выражении и социальную справедливость. Однако Конституция РФ, запретив создание официальной идеологии, тем самым создала возможность для формирования юридических норм, не связанных с социальной справедливостью в ее традиционном понимании. Главным при создании законодательства становилась модель, ориентированная на трансформацию России в часть западной цивилизации, демократическое государство. В основу правового регулирования легли не столько национальные потребности общества, сколько рецепция западных правовых конструкций зачастую без учета их реализуемости на российской почве. При этом, разрушив советский механизм правового регулирования и не сформировав нового достаточно эффективного механизма, Россия существенно ослабила государственные институты, которые стали рассматриваться не как надобщественное явление, а как часть общества. В совокупности с разрывом основанного на традиции правового сознания и новой правовой реальности это привело к всеобщему недовольству политической властью и массовым проявлениям социального протеста.

⁹ См.: Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. С. 45.

¹⁰ См.: Van Hoescke M. Law as Communication. Oxford — Portland Oregon, 2002.

¹¹ См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: СПбГУ, 2002.

¹² См.: Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. 2010. № 6. С. 164–168.

Правовая реальность (отметим — в объективной своей составляющей) способна влиять на правосознание до тех пор, пока действительная справедливость (закрепленная в нормативных правовых актах) остается тождественна понятию справедливости (образу социальной справедливости, закрепленному ментально). Как только тождество перестает быть таковым, правосознание начинает противодействовать правовой реальности и при определенных условиях оказывается способным менять ее качественно¹³.

В царской России и в Советском Союзе формирование понимания права преимущественно определялось государственной деятельностью, которая поддерживалась институтами, отвечающими за идеологию (церковь и коммунистическая партия). Основной задачей становилось не только включение индивида в правовую реальность, но и придание его действиям максимально правомерного характера. Это обеспечивалось формированием в правосознании убеждения, что закрепленный в нормативном правовом акте эталон поведения соответствует социальной справедливости и является единственно возможным вариантом правомерного (правильного) поведения. Реализация этих эталонных правил должна была гарантировать, что поведение индивида является правомерным и направлено на поддержание общего правопорядка.

В 1990-е гг. формируется новый правовой менталитет, основанный на синтезе правовой традиции и правового опыта. В обыденном представлении сформировался образ права, который не соответствует официальному. Провозглашенный государством плюрализм стал восприниматься не как его сила, а как слабость, неспособность юридическими средствами создать условия для достойного существования и развития человека. Негативный образ официального нормативного права и его применителей усиливался традиционным представлением о корреляции власти и богатства, через призму которого провозглашенное равенство возможностей рассматривалось как обогащение небольшой группы элиты за счет ограбления основной массы народа. Издаваемые этой группой законы «должны были обеспечить ее власть и дальнейшее обогащение».

Этот негативный образ правовой реальности поддерживался отсутствием реализации значительной части изданного нормативного массива со стороны населения. Объективно это зависело от отсутствия достаточно эффективного механизма правового регулирования, но субъективно это воспринималось как итог социального отвержения законов, не соответствовавших справедливости и неспособность государства для их принудительной реализации. Попытки представителей депутатского корпуса объяснить данные обстоятельства тем,

¹³ См.: Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1996.

что в ряде законодательных актов изначально складывался абсолютный идеализм, вызванный желанием продемонстрировать демократические перемены в законодательстве: как итог, появлялась «демократичная», но не работающая норма, которая не учитывала реальную ситуацию¹⁴, создавали лишь ощущение еще большей слабости существующей власти, ее стремления «урвать» все, что можно, пока есть такая возможность.

Это способствовало формированию совершенно нового правового идеала¹⁵, в котором место должного, идеального поведения, основанного на нормативном эталоне, постепенно заменило существующее, ориентированное на получение материального блага «здесь и сейчас» без учета последствий и соответствия действий юридической норме. Такое правосознание шло в разрез с российскими традициями, но вполне укладывалось в западный индивидуальный правовой опыт и соответствовало системе западных ценностей, освоение которых рассматривалось как необходимое условие трансформации России в правовое демократическое государство¹⁶. Вследствие этого данная тенденция развития правового сознания не рассматривалась как негативная и требующая немедленного вмешательства государства.

Следствием развития нового идеала стало широкое распространение в правовой реальности различных проявлений незаконодательных (неправовых в понимании государства) практик, ставших основным средством регулирования общественных отношений, направленным на формирование бесконфликтного сосуществования в обществе и отдельных локальных сообществах. Для гражданина стало важнее не то, насколько его действия соответствуют закону (как эталону правомерного поведения), являются объективно справедливыми в оценке государства, а то, насколько они соответствуют представлениям о «правильном», субъективно справедливом в том обществе или сообществе, с которым он себя идентифицирует в данный момент. Хотя проблема правовой идентификации не является исключительно новой для отечественной юридической науки, как правило, она рассматривается в контексте соотнесения индивида с определенной социальной группой, статус которой нормативно закреплена¹⁷. Однако антропологические исследования права показывают, что важнее

не формальная принадлежность к формальной группе, а соотнесение индивидом своего поведения с позицией группы, которая способна его защитить в данный момент времени¹⁸.

Широко распространились проявления правового нигилизма и правового инфантилизма как в среде «обывателей», так и в среде государственных служащих, в том числе представителей правоохранительных органов. Хотя подобные практики существовали и ранее, но они являлись лишь исключением и не влияли на характер правовой реальности. Теперь же именно незаконодательные практики стали определяющим фактором. В обществе сформировалось крайне негативное отношение к изданным государством юридическим нормам. В правовом сознании россиян закон, изданный государством, воспринимается как «плохой», «неправильный», несоответствующий социальной справедливости, и совершенно необязательно его читать, чтобы в этом убедиться. Противопоставление закона и справедливости дополнительно подчеркивают судебные шоу и криминальные сериалы, которые убеждают граждан, что поступить «правильно» (т.е. в интересах гражданина) можно только по справедливости, а закон это не разрешает.

Стал очевидным разрыв правовых и фактических общественных отношений. Последние определяются целями и интересами индивидов, локальных социальных сообществ и общества в целом. При этом факт издания юридической нормы еще не является достаточным условием действительности и действенности права (как официально изданного эталона поведения) в обществе¹⁹.

Ослабление роли государства в правовой социализации граждан в 1990-е годы также привело к разрыву доктринального и профессионального правопонимания и обыденного понимания права. С одной стороны, гуманитарные науки занялись поиском принципиально нового типа правопонимания, который мог бы адекватно объяснить правовую систему России в контексте взаимосвязи правотворчества и правоприменения и с учетом конституционного равенства трех конкурирующих правовых доктрин: естественно-правовой, нормативистской и юридико-социологической. С другой стороны, правоприменитель, пользуясь слабостью государства, стал основывать свою деятельность не только и не столько на юридической норме, сколько на удовлетворении своих собственных (зачастую корыстных) интересов.

Традиционная черта российской правовой культуры — вертикальный перенос ответственности — также претерпела существенные изменения

¹⁴ См.: Шкель Т. Ясно, с переменной облачностью. Владимир Плигин определил погоду в Думе // Российская газета. 2013. 15 июля. № 152 (6128).

¹⁵ См.: Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. 2010. № 6. С. 164–168.

¹⁶ См.: Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь Мир, 2008.

¹⁷ См.: Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014.

¹⁸ См.: Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Академия исследования культуры, 2013.

¹⁹ См.: Юридическая социология. Учебник для вузов / В.А. Глазырин, Э.Н. Грибакина, Н.А. Гулина, Г.А. Емельянов и др.; отв. ред.: В.А. Глазырин М.: Норма, 2000. С. 308.

ния. Гражданин по-прежнему уверен, что при наличии субъекта, который выше его по авторитету или по положению, именно он должен решить его проблему, а следовательно, можно отказаться от ее решения, возложив ответственность на указанного субъекта. Однако, если в 1990-е годы таким субъектом выступали неформальные лидеры (в том числе и криминальные), то в 2000-е годы с улучшением криминогенной обстановки это было перенесено на представителей государства (государственных служащих, чиновников, судей, представителей правоохранительных органов). Но и в том и в другом случае граждане уверены, что решение их вопроса невозможно осуществить без определенного подношения (подарка, взятки, благодарности), хотя и не всегда имеющего четко выраженной материальной формы. Зачастую такое подношение заключается в гарантии осуществить в будущем какие-либо услуги («Ты — мне, я — тебе»).

Ситуация несколько стала меняться в последние годы, когда государство, осознав серьезные проблемы в области правовой реальности, приняло ряд мер, направленных на преодоление негативных явлений, получивших распространение в обществе. Во-первых, правовое воспитание приобретает целенаправленный характер, будучи призванным сформировать российскую гражданскую идентичность. Во-вторых, борьба с коррупцией перестает носить характер кампанейщины и становится одним из ведущих направлений правовой реформы. В-третьих, постепенно в СМИ появляются материалы, направленные на формирование уважения к государству, законодательским субъектам и правоприменителям. В совокупности это может способствовать формированию нового правового идеала и новой правовой реальности, в значительной степени основанных на правовой традиции.

Для российского правового менталитета характерным является обращение к установкам, идущим от представителей государственной власти, хотя существует существенное различие в отношениях к главе государства и иным уровням государственных служащих. Однако существующая в настоящее время оценка состояния правовой системы не лишена противоречий. С одной стороны, признается, что в обществе существует недопонимание официально-го права, вызванное, во-первых, незнанием Конституции РФ, во-вторых, нигилистическим и инфантильным отношением к закону, в-третьих, низким качеством нормативных правовых актов. С другой стороны, в качестве особенностей отечественного правопонимания признается «наличие идеалистических представлений о нем и его пределах действия, забвение прямой связи с эффективностью других социальных регуляторов»²⁰. По нашему мнению, здесь

присутствуют проблемы причинно-следственного характера. Правовой нигилизм усиливается низким качеством законодательства (и по содержанию, и по юридической технике), неспособностью государства его реализовать на практике. Недопонимание позитивного права в действительности может выражаться не в отсутствии у населения уважения к идеалам правового государства, а в принудительном навязывании обществу со стороны власть предержащих тех правовых ценностей и моделей, которые для него не характерны и были сформированы в иных условиях, соответствуют другой правовой культуре и противоречат сложившейся правовой реальности. Идеалистические представления о праве, в свою очередь, на наиболее аргументированном и доктринально обоснованном уровне выражены в представлениях парламентариев и (или) ученых-юристов, ориентированных на правовой идеал (в качестве которого избраны правовые ценности западной цивилизации), что становится причиной непонимания истинной правовой реальности (с учетом не только деятельностного, но и ментального компонента) и, как следствие, искажения этой реальности в сознании соответствующих субъектов.

Следует согласиться с мнением С.Е. Нарышкина, что правовой закон должен соответствовать общепринятому пониманию справедливости, нормам общественной морали. Главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, насколько глубоко правовой закон должен соответствовать сложившемуся в обществе пониманию справедливости. Перед законодателем стоит сложная диалектически противоречивая задача — попытаться «подтянуть» общество к определенному идеалу, учитывая одновременно существующую практику применения права, а также правовое сознание. Если последнее отрицает предлагаемый идеал, в обществе неизбежна конфликтная ситуация. Однако конфликт неизбежен и при искажении провозглашенного правового идеала на практике, когда в юридических нормах провозглашено одно, а в правовой реальности действуют совершенно иные правила поведения.

Рассматривая правовую реальность России феноменологически²¹, можно выявить еще одно отличие прежней и нынешней реальности. В дореволюционной России и Советском Союзе правовая реальность была представлена двумя уровнями: правотворчество (как совокупность действий законодателя, направленных на формирование правопорядка и режима законности и корпуса нормативных документов) и правореализация (как совокупность действий индивидов и уполномоченных лиц по реализации нормативных установлений и комплекс документов, созданных в ходе и в результате этих действий). Право в его нормативной,

²⁰ См.: Нарышкин С.Е. Верховенство права и развитие России. К 20-летию Основного Закона и парламента России // Российская газета. 2013. 12 ноября. № 6230 (254).

²¹ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001. С. 120.

законодательной форме при этом выступало интеграционной основой правовой реальности, связующим компонентом всех ее уровней и элементов. Основанность права на доктрине, в значительной степени связанной с религиозными и моральными трактовками справедливости (православная правовая доктрина, моральный кодекс строителя коммунизма), обуславливала не только взаимосвязь писанного права и справедливости (неписанного права), но и их взаимодополняющие роли в социальном регулировании.

В правовой реальности современной России, наряду с указанными уровнями, присутствует также третий уровень — «правовое» поведение, т.е. поведение, которое соответствует социальным представлениям о справедливости. Причем мы имеем в виду не только правомерное поведение²², и не просто правовое по критерию нахождения в русле правового регулирования (правомерное и противоправное), а правовое поведение в широком смысле — не только правомерное, но, возможно, противоправное с точки зрения позитивного права, однако соответствующее ментальным представлениям населения о справедливости. При этом для индивида совершенно не важно, насколько эти «правильные действия» соответствуют или противостоят «плохому» законодательству. Право перестало быть интегральной основой правовой реальности.

На формирование правового поведения россиян также влияет индивидуальный (выражаемый в знаниях, умениях, привычках) и надиндивидуальный (социальный) правовой опыт (выраженный в конкретных правовых ситуациях и их нормативном закреплении)²³. В силу широкого распространения в обществе негативного отношения к закону гражданин воспринимает в качестве правовых лишь те действия и отношения, которые изначально носят конфликтный характер: задержание полицией, обращение в суд и т.д. В то же время действия по реализации права, которые носят неконфликтный характер, не воспринимаются в качестве правовых. Их правильность определяется не соприкосновением с законом, а соответствием социальной справедливости (неписанному праву). То есть фактически в центр правовой реальности в человеческом ее измерении можно поставить юридический конфликт²⁴.

²² См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003; Нурпейсов Е.К. Психология правомерного поведения / отв. ред.: М.Т. Баймаханов, В.П. Казимирчук. Алма-Ата: Изд-во: Наука КазССР, 1984.

²³ См.: Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008.

²⁴ См.: Бибихин В.В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. С. 3–4; Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА М, 2013. С. 189.

Уровень правового поведения можно структурировать по подуровням. Неоднородность современного российского общества, разделение его по социальным, национальным и иным критериям приводит к наличию целого спектра систем неписаных правил правового поведения — система правил для обывателей, система для чиновников, система в рамках преступных сообществ, правила поведения локальных сообществ, корпораций и т.д. Одновременно характер правовой реальности осложняется присутствием большого числа мигрантов, которые при компактном проживании сохраняют традиционные правовые ценности, являющиеся основанием социального взаимодействия не только внутри групп, но и при соприкосновении с носителями иной правовой традиции. При взаимодействии членов разных социальных групп, имеющих разные правовые традиции, могут происходить конфликты, а в перспективе это может привести к серьезным социальным потрясениям, так как единый критерий «правильности» поведения в виде позитивного права или официальной идеологии на данный момент отсутствует.

Имеющее место усложнение уровней правовой реальности напрямую связано с проблемой правопонимания. Вопрос о том, к каким уровням правовой реальности должно относиться право, по-разному решается в концепциях правопонимания. Не вдаваясь в подробное исследование соответствующих научных позиций, отметим, что на современном этапе наиболее последовательное видение разных сторон права можно обнаружить прежде всего в интегративной концепции права, пытающейся соединить, как минимум, законодательство и практику его применения²⁵. Третий же уровень правовой реальности вообще редко замечается учеными, не говоря уже о включении его в понятие права²⁶.

Таким образом, правовая реальность России характеризуется трансгрессивностью. Это выражается в широком распространении незаконных (неправовых в официальном понимании) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме на общесоциальном, коллективно-групповом (в том числе профессионально-юридическом) и индивидуальном уровнях. Сформировавшиеся правовой идеал и правовой опыт ориентируют на решение коллизий и достижение бесконфликтного сосуществования не на основе установленной государством юридической нормы, а путем применения правил социальной справедливости (неписанного права).

²⁵ См.: Палеха Р.Р. Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития. М.: РАП, 2010. С. 185–211.

²⁶ См.: Пьянов Н.А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 11–14.

Список литературы:

1. Альбов А.П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–59.
2. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь Мир, 2008. 208 с.
3. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
4. Библихин В.В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. 345 с.
5. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Академия исследования культуры, 2013. 328 с.
6. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА М, 2013. 320 с.
7. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001. 256 с.
8. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.
9. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 1 // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 20–31.
10. Максимов С.И. Онтологическая природа права // Проблемы законности. Харків: НЮАУ. 2001. № 48. С. 175–184.
11. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 328 с.
12. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1996. 146 с.
13. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003. 50 с.
14. Нурпеисов Е.К. Психология правомерного поведения / отв. ред.: Баймаханов М.Т., Казимирчук В.П. Алма-Ата: Изд-во: Наука КазССР, 1984. 127 с.
15. Палеха Р.Р. Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития. М.: РАП, 2010. 232 с.
16. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 94 с.
17. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 845 с.
18. Пьянов Н.А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 11–14.
19. Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014. 119 с.
20. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. 2010. № 6. С. 164–168.
21. Skorobogatov A.V. Конституционное правопонимание как интегральная правовая доктрина // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4.
22. Слободнюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 360 с.
23. Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 24 с.
24. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. 272 с.
25. Шемшученко Ю.С. Актуальні проблеми філософії права // Проблеми філософії права. 2003. Т. 1. С. 7–9.
26. Шульц В.Л., Бочкарёв С.А. «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 13–20.
27. Юридическая социология. Учебник для вузов / В.А. Глазырин, Э.Н. Грибакина, Н.А. Гулина, Г.А. Емельянов и др.; отв. ред.: В.А. Глазырин. М.: Норма, 2000. 368 с.
28. Calavita K. Invitation to Law and Society: An Introduction to the Study of Real Law. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 177 p.
29. Cohn G. Existentialism and Legal Science. N.-Y.: Occana publications inc., 1967. 148 p.
30. Fechner E. Rechtphilosophie. Tubingen, 1956. S. 179–294.
31. Gordon R.W. Unfreezing Legal Reality: Critical Approaches to Law // Florida State University Law Review. 1987. Vol. 15. № 2. P. 137–151.
32. Hamrick W.S. An Existential Phenomenology of Law: Maurice Merleau-Ponty. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. 246 p.
33. Kaufman A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations // Law, Interpretation and Reality. Dordrecht, 1990. P. 104–123;
34. Kaufman A. Ontologische Struktur des Rechts // Rechtsphilosophie im Wandel. Frankfurt am Maine: Statione-neines Weges, 1972. S. 104–134.
35. Moore M. S. Excerpts from Legal Reality // Associations. Journal for Legal and Social Theory. 2003. Vol. 7. № 1. P. 145–157.
36. Salter M. Towards a Phenomenology of Legal Thinking // Journal of the British Society for Phenomenology. 1992. Vol. 23. № 2. P. 167–182.
37. Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. № 115. P. 1047–1116.
38. Van Hoecke M. Law as Communication. Oxford–Portland Oregon, 2002. 234 p.

Law reality of Russia: Philosophical-law analysis

Skorobogatov A.V.

doctor of History, associate Professor,
professor of the Chair of Theory and History of State
and Law and Public-Law Discipline,
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Krasnov A.V.

the candidate of the law,
associate professor of chair of the theory and history
of the right and the state,
Kazan branch of Russian Academy of Justice

Abstract. The article devoted to research of legal value of the category «law reality» in development of modern Russia. Author proves that the law reality of Russia consists of three levels: law-making, law-realization, law behavior. Defining level of law reality is the law behavior which is focused on observance of the unwritten law. On the basis of the studying of law experience and a law ideal of the Russian citizens in article transgressive nature of law reality is proved.

Keywords: law reality, genesis of the law, law phenomenon, law fact, post-classical scientific rationality, law behavior, antropological research, law experience, law ideal, unwritten law.

References:

1. Al'bov A.P. O ponyatiyah i kategoriyah v filosofii i teorii prava (ili chto otlichaet nauku ot mnenii v nauke) // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 46–59.
2. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kuril'ski-Ozhven Sh. Obraz i opyt prava: Pravovaya socializatsiya v izmenyayusheysya Rossii. M.: Ves' Mir, 2008. 208 s.
3. Bachinin V.A. Nepravo (negativnoe pravo) kak kategoriya i social'naya realiya // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 5. S. 14–20.
4. Bibihin V.V. Vvedenie v filosofiyu prava. M.: IF RAN, 2005. 345 s.
5. Aruchayev V.V. Napisannyi zakon: Antropologiya prava. SPb.: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2013. 328 s.
6. Gadzhiev G.A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta deistvitel'nosti): monografiya. M.: Norma: INFRA M, 2013. 320 s.
7. Ikonnikova G.I., Lyashenko V.P. Osnovy filosofii prava. M.: INFRA-M, Ves' mir, 2001. 256 s.
8. Kudryavcev Yu.V. Normy prava kak social'naya informatsiya. M.: Yurid. lit., 1981. 144 s.
9. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy rossiiskoi teorii prava i gosudarstva. Chast' 1 // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 20–31.
10. Maksimov S.I. Ontologicheskaya priroda prava // Problemi zakonnosti. Harkiv: NYuAU. 2001. № 48. S. 175–184.
11. Maksimov S.I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya. Har'kov: Pravo, 2002. 328 s.
12. Malinova I.P. Filosofiya pravotvorchestva. Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 1996. 146 s.
13. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave. M.: Yurist, 2003. 50 s.
14. Nurpeisov E.K. Psihologiya pravomernogo povedeniya / otv. red.: Baimahanov M.T., Kazimirchuk V.P. Alma-Ata: Izd-vo: Nauka KazSSR, 1984. 127 s.
15. Paleha R.R. Sovremennoe otechestvennoe pravoponimanie: sostoyanie i perspektivy razvitiya. M.: RAP, 2010. 232 s.
16. Polyakov A.V. Kommunikativnaya koncepciya prava (genezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie): dis. d-ra yurid. nauk. SPb.: SPbGU, 2002. 94 s.
17. Polyakov A.V. Obshaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyi podhod. SPb.: Yuridicheskii centr press, 2003. 845 s.
18. P'yanov N.A. Pravovoe povedenie: ponyatie i vidy // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2004. № 4. S. 11–14.
19. Reznikov E.V. Teoreticheskie problemy pravovoi identichnosti: monografiya. M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2014. 119 s.
20. Rozhkova A.K. Pravovaya real'nost' i pravovoi ideal: tochki soprikosnoveniya // Izvestiya IGEA. 2010. № 6. S. 164–168.
21. Skorobogatov A.V. Konstitucionnoe pravoponimanie kak integral'naya pravovaya doktrina // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2014. № 4.
22. Slobodnyuk S.L. Pravovaya real'nost' i krizis pravosoznaniya. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 360 s.
23. Timofeev A.V. Yuridicheskii opyt problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Yaroslavl', 2008. 24 s.
24. Chestnov I.L. Pravoponimanie v epohu postmoderna. SPb.: IVESEP, Znanie, 2002. 272 s.
25. Shemshuchenko Yu.S. Aktual'ni problemi filosofi prava // Problemi filosofii prava. 2003. T. 1. S. 7–9.
26. Shul'c V.L., Bochkarev S.A. «Sostoyanie prava» kak ob'ekt nauchno-prakticheskogo osmysleniya // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 13–20.
27. Yuridicheskaya sociologiya. Uchebnik dlya vuzov / V.A. Glazyrin, E.N. Gribakina, N.A. Gulina, G.A. Emel'yanov, i dr.; otv. red.: Glazyrin V.A. M.: Norma, 2000. 368 s.